

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-180-187

ПОЭТОЛОГИЯ М.Н. МУРАВЬЁВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОЙ ЛИРИКИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА*

Алпатова Т.А.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация: В статье рассматривается поэтология М.Н. Муравьёва – направление в творческом развитии поэта, нечасто привлекавшее внимание исследователей в силу эклектичности его позиции, совмещавшей в себе различные творческие интенции, от классицизма до романтизма. Показано значение нормативно-рационалистической традиции в поэтологических размышлениях Муравьёва («Опыт о стихотворстве»), а также выявлены направления, благодаря которым традиционная в своей основе поэтология шла к признанию индивидуально-творческих художественных начал, что соответствовало общим тенденциям развития русской поэтологической лирики XVIII века.

Ключевые слова: М.Н.Муравьев, поэтология, рефлексия, эстетика, поэтологический трактат.

M. MURAVYOV'S POETICS IN THE ART SYSTEM OF THE RUSSIAN LYRICS OF THE LAST THIRD OF THE 18TH CENTURY

T. Alpatova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article deals with poetics of M. Muravyov – the direction in the poet's creative development, that rarely attracted the attention of researchers due to its eclectic position that combines different creative intentions, from Classicism to Romanticism. The paper demon-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М.Карамзин: энциклопедический словарь».

© Т.А.Алпатова, 2016.

strated the importance of the regulatory rationalist tradition in Muravyov's poetics ("Essay on versification"), as well as identified areas, which contributed to traditional in its basis poetics that shifted to the recognition of individual creative art, and this corresponded to the general trends of development of Russian poetics of the 18th century.

Keywords: M. Muravyov, poetics, reflection, aesthetics, poetological treatise.

Проблема развития русской поэзии последней трети XVIII века, связанная с движением от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания [1, с. 3-38], тесно связана с трансформацией поэтологической лирики, изначально рационалистическая природа которой вступала в тот период в неизбежное противоречие с новым пониманием поэзии, сущности творчества и предназначения поэта. Возможно, именно поэтому исследователи, обращавшиеся к анализу поэтологической лирики как историко- и теоретико-литературного феномена, как правило, соотносили его расцвет с творчеством поэтов XX века [7; 8], по отношению же к веку XVIII высказывались мнения, что лишь в поэзии Н.М. Карамзина впервые возникают поэтологические мотивы в полном смысле этого термина [9, с. 296-310]. Однако, думается, сама природа поэтологической лирики как рациональной рефлексии творческого процесса отнюдь не противоречила нормативно-традиционалистскому художественному сознанию, поэтому особенно важным представляется понятие свойственную ей оценку поэзии – как саморефлексию поэта, анализ которой позволяет выявить как степень традиционности, так и новаторство в решении важнейших для литературной эпохи творческих проблем. Вследствие этого, наряду с динамикой жанров, трансформацией представлений

о личности, «открытием природы» и др. новациями сентиментально-предромантической художественной системы, обновление топики поэтологической лирики оказывалось одним из важнейших показателей направленности литературного развития. При этом поэтология Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, поэтов львовско-державинского кружка представляла собой сложный синтез традиционных мотивов, реализующих сложившуюся в недрах рационалистической поэтики классицизма нормативную систему, и, с другой стороны, новое видение поэзии, открывавшее путь той самой индивидуально-творческой эстетике, развитие которой и будет продолжаться в рамках романтической поэтики в XIX веке.

Поэтология М.Н. Муравьева при этом, как и в большинстве «переходных» поэтических систем русских авторов последней трети XVIII века – Г.Р. Державина, Н.А. Львова, В.В. Капниста, Н.М. Карамзина, юного В.А. Жуковского и др. – представляется весьма многосоставной, если не эклектичной. Такова и эстетическая база поэтологической лирики, к которой, сохраняя классицистский в своей основе принцип «подражания и соревнования», обращались поэты (её составляли вполне традиционные для нормативной системы XVIII столетия Н. Буало, А. Поуп, Ш. Баттё и т. п.). Такова и жанровая природа стихотворений, в которых зачастую раскрыва-

лись взгляды на роль поэзии и предназначение поэта в обществе; таков и целый ряд идей, сформулированных в поэтологической лирике, анализ которых позволяет выявить присутствие как нормативно-традиционалистских, так и новых, более индивидуализированных творческих установок.

Тема поэтологии Муравьёва представляется очень широкой и в совокупности не может быть исчерпана в рамках журнальной статьи. В той или иной форме анализ муравьёвской поэтологии должен включать и характеристику собственно «поэтологических» произведений, по возможности с учётом логики творческого развития автора, и выявление генезиса творческой рефлексии, и её интенций, в том числе позволяющих судить о биографическом контексте – определении Муравьёвым своей роли в формировании близких по духу друзей-поэтов, и жанровую рефлексия, и мн. др. Предметом наблюдений в данной статье будут поэтологические воззрения Муравьёва преимущественно традиционного плана – та «база», на фоне которой ярче можно выделить его нововведения и в сфере творческой рефлексии, и в сфере практики.

В.Н. Топоровым в его исследовании была предложена идея рассматривать поэтологию Муравьёва как движущуюся, развивающуюся систему, началом которой становится «Опыт о стихотворстве» (1775, 1780). Ориентированный на целый ряд авторитетных поэтологических трактатов, от «Послания к Пизонам» Горация до «Эпистолы второй» (о стихотворстве) А.П. Сумарокова, «Опыт...» определяет прежде всего дидактическая идея – научить молодых поэтов, как именно следует

писать стихи. Она задана риторическим посылом уже в начале стихотворения (открывающегося вполне узнаваемым обращением «О вы...» – ср. у Сумарокова «О вы, которые стремитесь на Парнас...»), но поддерживается и впоследствии многочисленными «советами», предполагаемыми поэтам-«ученикам», – советами, носящими явно нормативный характер: «Любите здравый смысл...» [3, с. 132], «Явите истины великия черты...» [3, с. 132], «С восторгом ощущай, но мысли беспристрастно...» [3, с. 132], «Умей располагать и бояся долготы...» [3, с. 132], «Тщись в сердце проникать, чтоб нравиться уму...» [3, с. 133], «Бегите жёсткого стечения согласных...» [3, с. 133], «Брегитесь рано в путь пуститься эпопеи...» [3, с. 135] и мн. др. Топоровым выявляется тот идеал поэзии (и соответственно, творческой интенции поэта), который формируется в размышлениях автора «Опыта...»: «Здравый смысл, простота, <...> освобождение от ложного искусства и ума-умствования, доверие к природе, <...> вкус и свобода выбора, поэтическое воображение... – вот условия, определяющие успех в поэзии» [6, с. 635], к ним также относится «ясность выражения, умение “располагать”, избегание длиннот, излишеств “пышности” и “надутости” слога» [6, с. 635]. Эти эстетические принципы, к тому же излагаемые с явно дидактическим риторическим посылом, вполне соответствуют нормативно-традиционалистскому пониманию основных поэтологических проблем: «природы» поэзии, эстетического идеала, сущности творчества как «подражания» и т. п. Однако в муравьёвской поэтологии возможность новаторского переосмысления

привычных требований формируется постепенно, и самые традиционные в своей основе плоды эстетической рефлексии потенциально всегда таят в себе возможность изменения.

Задачей всякого истинного поэта оказывается гармоническое сочетание «восторга чувств» и «беспристрастности мысли». Это сочетание мысли и чувства, «размышления» и «вдохновения», рационалистически объединённое по закону взаимодействия противоположностей, закладывается Муравьёвым и в описании идеальной модели творческого акта поэта, также представленной в «Опыте...»:

Предметом полн своим будь прежде начинанья,

Обмысли всё и жди мгновения влиянья,

Потом стремлению предайся своему:

Священный пламень то, – не дай простыть ему... [3, с. 132]

Поэтологическое размышление Муравьёва выстраивается в системе исчисления возможных путей творчества – обычно в системе со/противопоставлений, антитетических конструкций, в совокупности составляющих образ «поэзии» как единства в многообразии. В этом единстве есть место и Ломоносову – и Сумарокову («Вспомните сих двух прославившихся россов: // Военною трубой Петра пел Ломоносов, // ... А Сумароков стон с Ильменой издавал...» [3, с. 131]); и аду – и раю; и мысли – и чувству; и анакреонтике – и высокому; и Расину – и Мольеру, и т. д. «Две разные страны вмещает Геликон...» [3, с. 135] – рационалистическая по своей природе логика «исчерпывающего деления» [5, с. 210-219], тем не менее, приводит Муравьёва и к достаточно новой для

русской поэтологии XVIII века мысли о важности живого чувства, созерцания природы, «естественного» начала в поэзии. В.Н. Топоров справедливо заметил, что Муравьёв в «Опыте...» нередко соотносит поэтическое «искусство» и «природу» [6, с. 637], представляет творческий процесс именно в природных, органических метафорах и сравнениях:

Законы языка природой сообщены,

И в исступлениях да будут вам священи:

Невежества нельзя в писателе простить

И прежде чем писать, умеете говорить.

Но хладен весь восторг и без души слова,

Коль в них не узнаю подобья естества.

В витийствах силы нет, пускай лишь сердце пишет... [3, с. 133]

Возможно, именно поэтому одним из основных приёмов, позволяющих представить своеобразие личности поэта (а значит, метонимически – самой поэзии), становится со/противопоставление его и, с другой стороны, – философа, «любителя мудрости» и созерцателя природы:

Любитель мудрости причины испытует –

Поэт, природу зря, её живописует.

Толкует философ создание земли:

То ветры вещества горячие зажгли.

Но Этну зрит поэт горящу, восплаенну,

И тучу с пламенем и дымом устремленну... [3, с. 134]

Таково сопоставление «Картезия» и Расина – того, кто может рационально познавать нравы, и того, кто способен представить их в живом, органичном

художественном образе, воздействующим не только на мысль, но и на чувство. Именно единство чувства и мысли становится главным итогом поэтологического «исследования» Муравьёва, в котором выстраиваются два пути, объединённых общим творческим отношением к миру и любовью к поэзии:

*Счастливы ваши дни, коль Гением
внушенны*

Иль созерцанию природы приглашенны,

*Останетесь всегда любителями
муз...* [3, с. 136]

Оценка традиционного и новаторского в поэтологии нормативно-традиционалистской литературной эпохи непременно должна включать в себя проблему цели, предназначения поэзии – от её решения зависело, как представляет конкретный художник место собственного творчества в жизни общества, а в конечном итоге – своё собственное место в мире. Обращаясь к проблеме цели поэзии, Муравьёв, как правило, сосредоточивает внимание на её жизнотворческой природе. Поэзия творит гармонию из хаоса – таково определение её природы в «Оде четвертой» (1775), где не случайно возникают образы Орфея и Амфиона – певцов, один из которых был одарён способностью изменять природу, другой – созидать цивилизацию, символом которой становятся слагающиеся по звуку лиры певца стены града. Сходный образ возникает и в риторической похвале Муравьёва Ломоносову – «Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову» (1774). Ломоносов как личность и как поэт становится, таким образом, частью философии творчества, которая в се-

редине 1770-х годов формируется в сознании Муравьёва. В её основе мысль об истинной свободе творческого гения, боговдохновенности его природы, что не может и не должна подчиняться системе холодных рациональных норм и правил. Именно поэтому наиболее ярким мифологическим уподоблением – риторическим «примером» в похвальном слове, призванном раскрыть величие поэтического дарования Ломоносова, становится Амфион, благодаря чудным звукам песен которого «...плениются деревья от звука гласа его, прельщаются дубравные скоты, восхищаются птицы парящие, воспламеняются струи влажные, и течение своё реки пересекают, и самые камни приемлют чувство и повинуются велению» [2, с. 38]. *Песнь Амфиона* оказывается основой создаваемого благодаря её звукам города-государства; так и поэзия Ломоносова становится реализацией, воплощением государственного порыва России, воплощением созидательной энергии государственного строительства. Именно она, по мысли Муравьёва, и является высшей заслугой Ломоносова-поэта, который сумел благодаря государственническому пафосу своей оды стать выразителем жизнотворческого порыва всего русского народа.

Гармонию и смягчение нравов приносит людям с небес изгнанный Аполлон (см. «Изгнание Аполлона», 1786):

Искусства исправляют нравы.

Тот первый варваров в людей преобратил,

Который выдумал для разума забавы... [3, с. 80]

Размышления об образе поэта в поэтологических стихотворениях Муравьёва нередко выстраиваются в ли-

рическую ситуацию выбора между различными путями творчества, в совокупности представляющими возможное, рационально представимое разнообразие направлений, которыми может идти художник). Этот мотив может раскрываться в поэтической шутке – выбор между «пером» и «поэтом» («Перо. К его превосходительству Александру Петровичу Ермолову», 1780-е гг.) или между двумя увлечёнными певцами – Дафнисом и Коридоном («Эклога к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву», нач. 1780-х гг.). В.Н. Топоров писал, что выбор этот осознавался Муравьёвым как драматический, что привело к кризису поэта, отразившемуся в стихотворениях второй половины 1770-х – 1780-х гг.: «Жалобы Музам» (1776), «Сонет к Музам» (1775), «Прискорбие стихотворца к *** в 1777 году», «Письмо к ***» («Вспоминаю те счастливые мгновенья...», 1783). По мысли исследователя, «выходом» из него становится понимание, что «без чувствительности нет ни полноты жизни, ни счастья, ни – в конечном счёте – поэзии и поэта» [6, с. 648].

Образы «нового» понимания поэзии и стали одушевляющими в наиболее новаторских поэтологических декларациях Муравьёва – «Сила Гения» (1785, 1797), «К Музе» (1790-е), и наконец – поэтическом фрагменте «Мои стихи, мой друг, – осенние листья...», по справедливости признаваемым исследователями наиболее близким новому, уже романтическому по своей природе пониманию поэтического

творчества как самовыражения художника, отнюдь не всегда достигающего понимания у современников:

Мои стихи, мой друг, – осенние листья:

Родятся блеклые, без живости и цвету,

*И, восхищаемы дыханий злых усты,
Пренебрегаемы разносятся по свету,
Не чтимые никем... [3, с. 246]*

Поэтологическая лирика Муравьёва играет особую роль в развитии художественной системы русской поэзии рубежа XVIII–XIX вв. Несмотря на то что большинство стихотворений, в том числе относящихся к рассматриваемой нами группе, не были опубликованы при жизни, воздействие его творческих исканий на наиболее близких поэтов – Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова – сыграло значительную роль в развитии новой художественной системы русской лирики. При этом поэтология Муравьёва – переплетение, на первых взгляд, противоположных тенденций: рационалистической нормативной эстетики – и индивидуально-неповторимых творческих интенций, последующее развитие которых и определило направления в становлении предромантического, а затем и романтического понимания творчества. Так логика развития поэтологической лирики Муравьёва, наряду со многими другими мотивами его творчества, позволяет исследователям делать выводы о значении его творческого наследия в переходный период развития русской лирики конца XVIII – начала XIX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 3-38.
2. М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / сост. Г.Е. Павлова. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 232 с.
3. Муравьев М.Н. Стихотворения / вступительная статья, подготовка текста и примеч. Л.И. Кулаковой. Л.: Советский писатель, 1967. 388 с.
4. Нигматуллина Ю.Г., Пашкуров А.Н., Буранок О.М. Поиск инвариантов преобразований в русской литературе XVIII века: предклассицизм и предромантизм // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3. С. 262-272.
5. Пумпянский Л.В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000.
6. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2003. 928 с.
7. Тростников М.В. Поэтология. М.: Грааль, 1997. 192 с.
8. Федотова С.В. Поэтология Вячеслава Иванова: монография. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012. 293 с.
9. Штруба М. Поэтологическая лирика Н.М. Карамзина // XVIII век. Сборник 24. СПб.: Наука, 2006. С. 296-311.

REFERENCES

1. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh [Poetics categories in the changing literary epochs] // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness] / Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grintser P.A., Mikhailov A.V. M., 1994. pp. 3-38.
2. Lomonosov v vospominaniyakh i kharakteristikakh sovremennikov [Lomonosov in the memories and characteristics of his contemporaries]. M.; L., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 232 p.
3. Muravyov M.N. Stikhotvoreniya [Poems]. L., Sovetskii pisatel', 1967. 388 p.
4. Nigmatullina YU.G. Pashkurov A.N., Buranok O.M. Poisk invariantov preobrazovaniy v russkoi literature XVIII veka: predklassitsizm i predromantizm [The search for invariants of transformations in the Russian literature of the 18th century: preclassical and preromanticism] // Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Ability]. 2016. no. 3. pp. 262-272.
5. Pumpyanskiy L.V. Ob ischerpyvayushchem delenii, odnom iz printsipov stilya Pushkina [On exhaustive division, one of the principles of Pushkin's style] // Pumpyanskiy L.V. Klassicheskaya traditsiya: Sbranie trudov po istorii russkoi literatury [L. Pumpyansky. Classical tradition: a collection of writings on the history of Russian literature]. M., 2000.
6. Toporov V.N. Iz istorii russkoi literatury. T. 2: Russkaya literatura vtoroi poloviny XVIII veka. M.N. Murav'ev: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie. Kn. 2 [From the history of Russian literature. Vol. 2: Russian literature of the second half of the 18th century. M. Muravyov: Introduction to the artistic heritage. Book 2]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 928 p.
7. Trostnikov M.V. Poetologiya [Poetology]. M., Graal', 1997. 192 p.

8. Fedotova S.V. Poetologiya Vyacheslava Ivanova: monografiya [Poetology of Vyacheslav Ivanov: a monograph]. Tambov, TOGOAU DPO «Institut povysheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya», 2012. 293 p.
9. Shtruba M. Poetologicheskaya lirika N.M. Karamzina [Poetologic lyrics of N. Karamzin] // XVIII vek. Sb. 24 [18th century. Coll. 24]. SPb., Nauka, 2006. pp. 296–311.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Alpatova – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor at the Department of the Russian Classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Алпатова Т.А. Поэтология М.Н.Муравьева в художественной системе русской лирики последней трети XVIII века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2016. № 5. С. 181-187.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-180-187

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Alpatova. M. Muravyov's poetology in art sistem of the Russian lyrics of last third of the 18th century // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 181-187.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-180-187